

ПРОБА ПЕРА. СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

Ю.А. Иванова, асп. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ДИСКУССИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОМ ФЕМИНИЗМЕ

В статье рассматриваются понятия “субъект”, “женская субъективность”, “номадическая субъективность”, “идентичность”, “феминизм”.

Ключевые слова: *идентичность, экзистенция, постмодерн.*

In article are considered the concept of “subject”, “women’s subjectivity”, “nomadic subjectivity”, “identity”, “feminism”.

Key words: *identity, existence, postmodernism.*

Феминистская полемика по проблеме субъекта является частью как общего современного социально-философского дискурса, так и различных феминистских направлений мысли.

Современный социально-философский дискурс рассматривает проблему субъекта через проблему идентичности. Под идентичностью принято понимать соотношенность чего-либо с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости. Такое понимание идентичности наследует аристотелевскую традицию надления тождества более фундаментальным значением, чем различие. По сути дела, понятая таким образом идентичность совпадает с понятием субъекта в классическом рационализме и выступает как беспроблемная категория. Однако еще Д. Юм попытался обосновать тезис о конституировании идентичности не “изнутри” (исходя из “самости” человека), а “извне” (из общества), поскольку идея Я как тождественности самому себе опирается на метафизическую идею Я как субстанции, не имеющей никакого эмпирического подтверждения. В русле такого “социологизированного”, а не “натуралистического” подхода стоит рассматривать собственно феминистские дебаты по вопросу о поле, сексуальности и субъективности.

Логическим основанием современного феминистского дискурса является концепция женского, разработанная Симоной де Бовуар, которую так или иначе используют практически все феминистские направления. С. де Бовуар определила женскую субъективность как Другое или Иное по отношению к мужскому типу субъективации в культуре¹. Таким образом, феминистская эпистемология

* **Иванова Юлия Александровна**, e-mail: jkhramova@mail.ru

¹ *Beauvoir S. de. Le deuxieme sexe. P., 1949. (Пер. на рус.: Бовуар С. де. Второй пол. СПб., 1997).*

субъективности, определяющая значимость других типов антропологических практик, базируется на концепциях иного, специфического и множественного женского опыта и женских способов бытия, и занимается поисками дискурсивных средств для репрезентации этого опыта в мышлении и культуре.

Тема Другого — линия демаркации между классической и современной социальной философией. В классической социальной философии эта тема практически отсутствует, так как в центре внимания находится именно автономия и суверенность человеческого разума. Можно определить несколько перспектив в истолковании темы другого в современной философии. Во-первых, это экзистенциально-феноменологическая перспектива, акцентирующая проблему межличностного социального общения. В качестве опосредующей функции являемости Другого в мире выбирается тело. Во-вторых, это герменевтический анализ. Здесь Другой не конкретное лицо, или тело, или взгляд. Посредником всех возможных смыслопонимательных отношений выступает текст. Отношение к себе и отношение к другим строятся на основе текстов. Другим тогда является все то, что не подверглось интерпретации, что осталось непонятым, что не наделено смыслом. В-третьих, это диалогическая теория, или теория коммуникации. В-четвертых, постструктуралистский анализ. Все они используются различными феминистскими направлениями.

Э. Гуссерль предполагал, что функция тела существенна, так как позволяет по аналогии феноменального переживания собственного тела судить о теле другого². Тело — транзит, оно на переходе от одного телесного опыта к другому. Я способна/-ен выступать как субъект только благодаря тому, что обладаю телом. Я обладаю телом, потому что оно мое, иными словами, принадлежность есть условие обладания, а не наоборот. Avoir (“иметь/обладать”) — один из предикатов существования. Моя суверенность — телесная, психическая и познавательная автономия — не может быть поставлена под сомнение Другим, в силу чего и Я не способна/-ен пренебречь существованием Другого, реального двойника моего опыта обладания. Поэтому Другой выступает как тело-объект, готовое в любой момент стать телом-субъектом и превратиться в объект меня.

В европейской мысли понятие “различие” является одним из центральных, поскольку она всегда оперировала бинарными парами, неизбежно создающими подкатегории “инаковости” и “отличного от чего-то”. Поскольку “различие” понимается через отношения доминанции и исключения, то неудивительно, что “быть отличным от” становится “быть меньше, чем”, “быть менее цен-

² См.: Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск; М., 2000. С. 442–443.

ным”. Роза Брайдотти пытается разрешить эту ситуацию путем отказа от эссенциалистских коннотаций данного понятия³. Она предлагает воспринимать “различие” как процесс. В рамках предложенного ею “номадического мышления” “различие”, понятое в измерении процессуальности, становится базовым для формирования “номадической субъективности”. Дискурс номадической субъективности — это “дискурс становления”, того становления, в котором женщине было отказано в рамках патриархальной традиции. Женщина описывалась как статическое, ибо так легче было воспринимать ее в качестве гаранта (гаранта сохранности и преемственности традиции, гаранта маскулинной идентичности). Номадическая субъективность не подразумевает полного отказа от создания каких бы то ни было стабильных и убедительных оснований идентичности. Однако никакая идентичность в рамках номадического сознания не воспринимается как постоянная. Такое номадическое сознание несет с собой не только дестабилизацию фаллократических ценностей, но и способность породить новый язык. В области гносеологии концепция номадической субъективности является логическим продолжением процесса децентрации трансцендентальной парадигмы, начало которому было положено диалогической традицией.

Проблема субъективности в рамках феминистского дискурса не ограничивается проблемой Другого. Следующим важным (и связанным с первым) пунктом является вопрос о том, обладает ли субъект онтологической первичностью по отношению к параметрам сексуальности и гендерной идентичности⁴. Некоторые исследователи полагают, что сексуальная и гендерная идентичность является вторичными характеристиками субъекта, другие же считают, что само понятие “человек”, определяемое в языке как “субъект”, представляет собой конструкцию мужского рода. Такое разногласие указывает на то, что в контексте радикальной гендерной асимметрии понятия “субъект” и “идентичность” неизбежно проблематизируются и требуют коренного переосмысления.

Гуманистические теории склонны допускать существование независимой личности как носителя различных (существенных и несущественных) свойств. Однако такая всеобъемлющая концепция личности вытесняется теми антропологическими подходами, ко-

³ См.: *Брайдотти Р.* Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 220–251; *Она же.* Путем номадизма // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 18–44.

⁴ Мы используем здесь понятия “гендерная идентичность” и “гендер”, хотя, как будет показано далее, понятия, близкие английскому “gender”, либо имеют иную семантику, либо вовсе отсутствуют в европейских языках. Однако в данном случае речь идет о смысловых оборотах, связываемых в отечественном дискурсе именно с этим понятием.

торые понимают под гендером отношение между социально сконструированными субъектами в определенных ситуациях. С этой точки зрения то, чем “является” личность и гендер, зависит от тех отношений, в которых они будут определяться. Будучи изменчивым и контекстуальным явлением, гендер обозначает не сущностное бытие, а некоторый момент конвергенции культурно и исторически определенных типов отношений.

Для С. де Бовуар “мужчины” и “женщины” сконструированы, но предполагается действующее лицо, “*cogito*”, которое принимает на себя данный культурный конструкт. “Конструирование”, таким образом, становится некоей формой волевого выбора, хотя С. де Бовуар и признает, что выбор совершается в силу культурного принуждения. Однако с ее точки зрения, только женщины определяются в терминах пола, универсальная же человеческая личность и принадлежность к мужскому полу сливаются воедино (женщина всегда представляет только женщин, а мужчина может представлять как мужчин, так и людей вообще).

Моника Виттиг, как и С. де Бовуар, считает, что маркирован только женский пол. “Универсальный субъект” отторгает от себя женщину как Другое, которое, таким образом, означает собой все безнадежно “частное”, лежащее вне общепринятых критериев личности. Претендуя на универсальность, мужской субъект оказывается абстрактным, поскольку он отказывается от своего социально маркированного телесного воплощения, проецируя его на то, что было отвергнуто и унижено, т.е. на область женского, и переименовывает тело в “женское тело”. Женское тело обозначается в мужском дискурсе, тогда как мужское тело, сливаясь с “универсальным человеческим телом вообще”, остается необозначенным. Соединение понятий “женское” и “тело” в рамках классической метафизики означает противопоставление “бестелесной универсальности” (мужской субъект, носитель “*ratio*” и свободы) и “отрицаемой вещественности” (женский объект, ограниченный рамками тела).

В философской традиции, которой придерживается С. де Бовуар, в традиции Платона, Р. Декарта, Э. Гуссерля и Ж.П. Сартра онтологическое разделение души (сознания и разума) и тела всегда служило основой для политической и психической иерархии. Поэтому дихотомия субъект-сознание/объект-тело, имплицитно содержащая в себе эти связи, всегда с гораздо большим успехом может быть использована для утверждения и рационального объяснения (фактически легитимации) гендерной иерархии, нежели для уничтожения и критики оной.

В противоположность С. де Бовуар Люс Иригарэ доказывает, что и субъект и Другой являются мужскими порождениями закрытой

фаллоцентристской экономии означивания, в которой женщинам суждено оставаться нерепрезентируемым полом. Л. Иригарэ считает, что женщины не просто ложно представлены в сартровской модели “означающего субъекта” и “означаемого Другого”; ложность означивания указывает здесь на неадекватность структуры репрезентации в целом. По мнению Л. Иригарэ, женский пол, всегда ускользающий от репрезентации, не может быть меткой субъекта. Субъект же, который Л. Иригарэ понимает как фантазию автогенеза, всегда оказывается маскулинным.

Таким образом, если С. де Бовуар остается на позициях западноевропейской метафизики, то Л. Иригарэ критикует эту метафизику как фаллоцентристскую экономию означивания, из которой женщины как таковые исключены, и в которой любая попытка репрезентации женского/женщин обречена на провал. В прочтении Л. Иригарэ заявление С. де Бовуар о том, что женщина “имеет пол”, может означать только следующее: женщина оказывается существом не того пола, который ей присущ, а, скорее, существом мужского пола, взятого в модусе своей инаковости. Мнения С. де Бовуар и Л. Иригарэ расходятся в определении фундаментальных структур, воспроизводящих гендерную асимметрию: первая склоняется к идее асимметричного диалектического взаимодействия, а вторая предлагает рассматривать сам диалектический процесс как монологический продукт фаллоцентрической экономии означивания.

Таким образом, Л. Иригарэ согласна с С. де Бовуар по поводу маскулинного характера “универсального субъекта”, но противостоит ей в вопросе относительно возможности оккупации женщиной субъектной позиции. В противоположность теориям “сексуальных различий”, феминистская линия так называемых “антисексуальных различий” представленная Моникой Плаза, Моникой Виттиг, Кристиной Дельфай, выдвигает аргументы в пользу “внегендерного” или “постгендерного” типа субъективности, и этим в определенной степени согласуется с С. де Бовуар по второму вопросу. Отождествление женщины с “полом” означает и для С. де Бовуар, и для М. Виттиг совмещение женщин с теми свойствами их тел, которым приписывается однозначно сексуальное значение (или значение в рамках экономии воспроизводства), и вследствие этого отказ предоставить им свободу и автономию в том же объеме, в каком ею обладают мужчины⁵. «Гендер является языковым индексом политического противостояния полов. Это понятие используется здесь в единственном числе, так как в действительности не существует двух гендеров. Есть только один — женский; “мужской” же

⁵ См.: *Виттиг М.* Прямое мышление. М., 2002. С. 108.

не является гендером, так как мужское не является мужским, а выступает как всеобщее»⁶. В этой системе отношений только мужчины выступают как “личности” и нет иного гендера, кроме женского. Отсюда вывод: женщины смогут присвоить себе статус универсального субъекта, только уничтожив понятие пола.

По мнению М. Виттиг, идеология половых различий действует в нашей культуре как цензура, которая, апеллируя к природе, маскирует социальные противоречия между людьми с мужской и женской анатомией. Настаивая на том, что социальные различия между мужчинами и женщинами принадлежат к экономическому, политическому и идеологическому порядку, М. Виттиг понимает “мужчин” и “женщин” как идентичности, сформированные в рамках исключительно гетеросексуальной (вернее, гетеросексистской) парадигмы. Принципы деления на материальном и экономическом уровне, установленные системой господства, абстрагируются и превращаются в концепции доминирующей группой, а впоследствии и доминируемой. При денатурализации понятия пола М. Виттиг отталкивается от утверждения, что “угнетение создает пол”, а не наоборот. Идеология половых различий мешает нам осознать этот простой факт и формирует наше сознание таким образом, чтобы не позволить обратиться внутрь себя и подвергнуть критическому анализу тот базис, что формирует различия.

Будучи категорией господства, категория пола не существует до и вне человеческого общества. Категория пола — это политическая категория, и как таковая она определяет не живых существ, а только взаимоотношения между ними. Иными словами, можно сказать, что “мужчины” и “женщины” — это результат взаимоотношений индивидов в рамках идеологии определенного типа (патриархатной, гетеросексистской и т.п.). “Пол” — это знак, посредством которого отношение женщин к концепту “человек” делается очень неопределенным и даже сомнительным. Поэтому М. Виттиг говорит, что категория пола тоталитарна, что она имеет свою инквизицию, суды, свод законов, террор, экзекуцию и полицию. Эта категория формирует сознание и контролирует все то, что наше сознание производит, причем этот контроль столь жесток, что мы и не умеем думать вне ее пределов.

Виттиг отстаивает существование “личности” до ее определения в поле, и только такую личность она считает подлинно свободной. Таким образом, она признает статус человеческой свободы как предшествующей образованию общества. Произнося “Я”, человек каждый раз заново присваивает себе весь язык. Именно в этот мо-

⁶ Wittig M. The point of view: universal or particular? // *Feminist Issues*. 1983. Fall. Vol. 2. P. 64.

мент происходит наивысший акт субъективации. Но чтобы это действие осуществилось, говорящий должен быть абсолютным субъектом, ибо относительный субъект (статус которого навязывается женщине) попросту неспособен говорить. Поэтому, несмотря на жесткие схемы формирования пола в языке, всякая женщина, произнося “Я”, становится для самой себя универсальной целостностью, а значит, и внеродовым (внегендерным) субъектом. Однако в процессе коммуникативного взаимодействия язык, навязывая говорящей женщине категорию гендера (здесь — грамматического рода), лишает ее авторства речи. Именно маркированность полом через категорию грамматического рода выступает в качестве причины того, что женщине отказано в любом притязании на абстрактный, философский, политический дискурс, определяющий социальное существо.

Отстаивая идею до- и внесексуализированного (гендерированного) субъекта, М. Виттиг тем самым противостоит психоаналитическому толкованию субъективности, согласно которому сексуальность есть способ формирования субъекта. Поэтому данный подход упрекают, как правило, в недооценке роли бессознательного в формировании идентичности, результатом чего является, по мнению некоторых теоретиков, неоправданно волюнтаристский взгляд на проблему пола. Считается, что разработка проблемы субъекта у М. Виттиг предстает как реабилитация агента экзистенциального выбора⁷. Однако именно такой подход к субъекту позволяет избежать тупика “гипердетерминированности” раннего постструктурализма. Позиция М. Виттиг созвучна подходу Кристофера Батлера, пытавшегося дать теоретическое оправдание свободы индивида. “Как только была выделена природа социальных дискурсов, которые предположительно структурируют нас в мире и тексте как мужчин и женщин, нам остается лишь одно из двух: либо брать на себя ответственность за их использование, или изменить наш дискурс, взглянув на него критически... Если субъект в результате этого всего лишь перемещается в другой, в равной мере социально детерминированный дискурс, то тогда перед нами открывается лишь перспектива бесконечного регресса. Тем не менее и в данном случае сохраняет свой смысл утверждение, что мы способны принимать рациональные решения в пограничных сферах, существующих между этими дискурсами, при условии, что мы их осознаем”⁸.

Поскольку философия как дисциплина мышления в строгом смысле слова является порождением западноевропейской культур-

⁷ Критику позиции М. Виттиг см. в интервью Розы Брайдотти и Джудит Батлер (“Feminism by any other Name”).

⁸ Differences. 1994. Summer–Fall. Vol. 6. N 2, 3.

ной традиции, то, по мнению Р. Брайдотти, Л. Иригарэ и Э. Сиксу, на ней также стоит несмываемое клеймо фаллоцентризма. “Структурная необходимость уничтожительных практик друговости (не-мужчин, не-ученых и пр.) заставляет меня сомневаться в способности теоретического дискурса действовать, не стремясь исключать и главенствовать”⁹. Но если философский (и шире — теоретический) дискурс неизбежно подчинен законам “маскулинистской экономии мышления”, оставляющей все “женское” за пределами репрезентации, следовательно, женщины не могут претендовать на сколько-нибудь вразумительную речь, не будучи при этом обвиненными в “маскулинизации”. Такой взгляд поддерживает и упрочивает фатальную для женщин связку “мужское — рациональное”. Попытки позитивно переосмыслить “феминное” неизбежно влекут за собой репродуцирование дихотомии “мужское” — “женское”, чье властное наполнение внушает сомнения в успехе самого предприятия. Единственным продуктивным подходом для теорий, ориентированных на различие, а не на равенство, видится дестабилизация идентичностей. Тогда открывается возможность разрешить комплекс проблем, связанных, во-первых, с девальвацией ценностей, ассоциируемых с женщинами (иными словами, так называемой “феминности”), а во-вторых, с “натурализацией” половых/гендерных различий, в результате чего женщины и мужчины делятся как “естественные” носители “феминных” и “маскулинных” ценностей. Если подходить к идеалу стабильной и фиксированной идентичности каждого из полов как к неоправданной фантазии, тогда было бы возможно создание этики и политики, построенных не на жертвенности и репрессии. Однако сколь бы ни были остры противоречия между теми направлениями феминизма, которые ориентируются на равенство, и теми, которые акцентируют различия, ясно одно: необходимо исследовать как материальные, так и символические формы угнетения.

Если мы отказываемся от иллюзии стабильной идентичности, и к анализу символических конструкторов “феминное” и “маскулинное” добавляем анализ материальных форм угнетения и социальных условий конструирования гендерной идентичности, то мы оказываемся в русле идей гендерной теории, приобретающей все большее влияние в современных социальных науках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бовуар С. де. Второй пол. СПб., 1997. (*Bovuar S. de. Vtoroj pol. SPb., 1997.*)

⁹ *Брайдотти Р.* Путем номадизма // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 24.

Брайдотти Р. Путем номадизма // Гендерные исследования. 2000а. № 4. С. 18–44. (*Brajdotti R.* Putem nomadizma // Gendernye issledovanija. 2000a. N 4. S. 18–44.)

Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000б. С. 220–251. (*Brajdotti R.* Polovoe razlichie kak politicheskij proekt nomadizma // Hrestomatija feministskih tekstov. SPb., 2000b. P. 220–251.)

Виттиг М. Прямое мышление. М., 2002. (*Vittig M.* Prjamoe myshlenie. M., 2002.)

Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск; М., 2000. (*Gusserl' Je.* Logicheskie issledovanija. Kartezianskiye razmyshlenija. Minsk; M., 2000.)

Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993. С. 230–263. (*Kant I.* Kritika chistogo razuma. SPb., 1993. S. 230–263.)

Плотников Н.С. Философская программа Вильгельма Дильтея. М., 2000. (*Plotnikov N.S.* Filosofskaja programma Vil'gel'ma Dil'teja. M., 2000.)

Beauvoir S. de. Le deuxieme sexe. P., 1949.

Butler Ch. Interpretation, deconstruction, and ideology. Oxford, 1986. Differences. 1994. Summer-Fall. Vol. 6. N 2, 3.

Wittig M. The point of view: universal or particular? // Feminist Issues. 1983. Fall. Vol. 2.